

Положив трубку, Жуань Ихань с абсолютно невозмутимым видом вернулась в гостиную. Она неторопливо опустилась на диван и съела несколько черешен.

А-Ли по-прежнему стояла в углу гостиной, безмолвная и неподвижная, словно деревянное изваяние.

Ихань подняла на неё взгляд:

— Если тётушка Цинь спросит про мою девушку, скажи, что мы расстались.

А-Ли недоуменно моргнула.

У Жуань Ихань есть девушка? Но ведь она её личный телохранитель и находится рядом практически круглые сутки.

Её хозяйка всегда отличалась невероятной разборчивостью и брезгливостью. Пусть бабушка и ворчала, что Ихань общается только с золотой молодёжью да прожигателями жизни, на деле та была слишком привередливой, чтобы подпустить кого-то близко.

Ихань бесстрастно смерила телохранительницу взглядом.

А-Ли послушно опустила голову:

— Слушаюсь.

На душе у неё заскребли кошки — ей всё сильнее казалось, что Жуань Ихань неузнаваемо изменилась.

Бабушка была уже в преклонных летах, и хотя на здоровье не жаловалась, спать ложилась рано.

Когда Ихань вошла к ней, пожилая женщина, сгорбившись, как раз собиралась налить горячей воды, чтобы попарить ноги. В их огромном доме хватало прислуги, но бабушка упрямо делала всё сама. Она часто повторяла внучке, что познала в молодости немало лишений, а потому негоже перекладывать на других то, что можешь сделать своими руками. И всегда призывала уважать чужой труд: «Это просто работа, Ихань. Все люди рождаются равными, каждому в этой жизни приходится несладко, так что нужно уважать друг друга».

Прежде Ихань лишь отмахивалась от этих слов, со смехом называя бабушку неисправимым

старовером.

Но теперь она молча подошла и забрала из её рук тяжёлый чайник.

— Позволь, я сама.

Старая госпожа послушно опустилась на постель и долго, с сомнением разглядывала внучку. Её не покидал подспудный страх: уж не ввязалась ли любимица в какую-нибудь крупную неприятность?

Ихань склонила голову, проверяя температуру воды:

— Бабушка, мне сегодня приснились папа с мамой.

Пожилая женщина вздрогнула, у неё перехватило дыхание.

Ихань бережно сняла с её ног носки и принялась аккуратно поливать ступни тёплой водой:

— Они сказали, что я совсем о тебе не забочусь. Заставляю тебя страдать.

У старой госпожи покраснели глаза, но она всё же попыталась напустить на себя строгость:

— Хоть это ты понимаешь.

— Да, — тихо отозвалась Ихань, мягко массируя уставшие бабушкины ступни.

Ей нельзя было меняться слишком резко. Если бабушка что-то заподозрит — это ещё полбеды, но если её поведение привлечёт внимание Цинь Цинь, начнётся цепная реакция, и тогда пиши пропало.

— Бабушка, я договорилась с доктором Лило. Теперь он будет каждый месяц проверять твои сосуды и сердце.

Горячая вода приятно согревала ноги, и голос старой госпожи заметно потеплел:

— А почему не доктор Чу?

Доктор Чу уже много лет лечил семью Жуань, и она привыкла доверять только ему.

Рука Ихань на мгновение замерла.

— Доктор Чу — хирург, а в твоём возрасте нужно следить за сердцем и давлением. У моего приятеля дедушка на днях средь бела дня рухнул без чувств, едва спасли. Оказалось — инсульт.

Бабушка спорить не стала.

В этом огромном особняке они остались совсем одни, кроме друг друга у них никого не было. Она прожила долгую жизнь и смерти не боялась. Но мысль о том, что после её ухода внучка останется совсем одна в этом жестоком мире, терзала её душу.

— Хватит обо мне убиваться, — привычно завела свою волынку старушка. Она давно знала о предпочтениях внучки, а потому добавила вполне буднично: — Тебе и самой пора остепениться, найти кого-нибудь по душе. Мужчина это будет или женщина — неважно, лишь бы человек был надёжный и любил тебя всем сердцем. Я ведь не вечная, Ихань, боюсь, не доживу до твоей свадьбы.

Ихань помолчала, уставившись в воду, а затем глухо кивнула:

— Хорошо.

Выйдя от бабушки, Жуань Ихань прямиком отправилась в душ.

Смыв с себя дневную усталость, она остановилась перед зеркалом, вглядываясь в собственное отражение, а затем резко, наотмашь, ударила себя по лицу — раз, другой.

По ванной комнате разнёсся хлёсткий, сухой звук. Она била изо всей силы, не жалея себя.

Кожа мгновенно вспыхнула пунцовым, на бледной щеке проступили отчётливые багровые следы пальцев.

В эту секунду она глубоко ненавидела себя.

Когда бабушка заговорила о преданности и любви, перед глазами Ихань — вопреки здравому смыслу — возникло лицо Цинь Хайяо.

«Какая же ты дрянь, Жуань Ихань! Наступила на те же грабли! Неужели ты забыла её предательство? Забыла, что её семейка сотворила с твоей жизнью?!»

На следующее утро Цинь Цинь явилась спозаранку. За завтраком, который она разделяла со старой госпожой, гостя небрежно просматривала свежую прессу. Оторвав взгляд от газетной полосы, она повернулась к стоявшей неподалёку телохранительнице:

— А-Ли, ты знакома с бывшей пассией нашей Ихань?

— С бывшей? — переспросила бабушка, замирая с ложкой в руке. Её взгляд мгновенно приковался к телохранительнице.

К счастью, Ихань предупредила её ещё накануне, поэтому А-Ли послушно опустила голову:

— Они расстались.

— Как расстались? — Надежда, на миг вспыхнувшая на лице пожилой женщины, тут же угасла. Она раздосадованно проворчала: — Вот паршивка! И ведь ни слова мне не сказала!

Цинь Цинь зашуршала газетой, ласково улыбаясь хозяйке дома:

— Дети выросли, дорогая. Теперь у них своя жизнь, нам их не удержать.

В этот момент в гостиную вошла Жуань Ихань, только что вернувшаяся с утренней пробежки. Напустив на себя привычный ленивый вид, она утомлённо махнула рукой:

— О, тётушка Цинь, вы уже здесь?

Цинь Цинь одарила её мягкой, любящей улыбкой.

Ихань отвернулась, делая вид, что разувается. Склонив голову, она до крови закусил губу. В ушах оглушительным набатом стучал пульс. Ей потребовалась вся воля, чтобы подавить дикое, удушающее желание броситься на эту женщину и разорвать её на части прямо здесь, на глазах у бабушки.

Бабушка недовольно фыркнула:

— Завтра важный день. Чтобы никаких твоих гулянок сегодня! Сиди дома и готовься к приёму.

— Да ладно тебе, бабуль, всё под контролем, — легкомысленно бросила Ихань.

Раньше она вела себя именно так — ленивая, избалованная наследница, которая только и знала, что прожигать жизнь со своими богатенькими приятелями. Ночные клубы, стритрейсинг, верховая езда, гольф... Она перепробовала все способы впустую тратить время.

Цинь Цинь, всегда потакавшая капризам «любимой племянницы», примирительно обратилась к старушке:

— Ну что ты, она ведь ещё совсем молодая. Не стоит так сильно на неё давить, а если не справится — мы всегда пришлём кого-нибудь на помощь.

— Молодая?! — сокрушённо всплеснула руками бабушка. — Ей уже двадцать пять стукнуло!

Ихань лишь глупо ухмыльнулась и беззаботно уселась за стол, принимаясь за еду.

В прошлой жизни она бы растаяла от такой заботы, искренне веря, что тётушка Цинь оберегает её от лишних хлопот. Теперь же она видела истину: пока она развлекалась, Цинь Цинь методично расставляла свои фигуры на доске, шаг за шагом подтачивая фундамент империи Жуань.

После полудня Ихань приказала А-Ли раздобыть внутренние отчёты компании и досье на нескольких ключевых сотрудников. В кабинете воцарилась тяжёлая тишина. Ихань часами перебирала бумаги, хмуря брови и не проронив ни слова.

А-Ли застыла у двери каменным изваянием, силясь разгадать, что происходит в голове её госпожи.

Спустя какое-то время Ихань оторвалась от документов и сделала глоток остывшего кофе.

— Спрашивай, раз так хочется, — негромко произнесла она, не глядя на телохранительницу.

Губы А-Ли дрогнули, она нерешительно сделала шаг вперёд:

— Старшая барышня... С вами точно всё в порядке? Вы в последнее время сами не своя.

В это время, судя по прежнему расписанию, Ихань должна была нежиться в спа-салоне или опустошать бутки в преддверии праздника, тратя баснословные суммы на наряды.

Ихань пристально посмотрела на неё, а затем снова перевела взгляд на бумаги.

А-Ли была верной, но слишком вспыльчивой и прямолинейной. В прошлый раз именно её импульсивный визит к Цинь Хайяо запустил цепочку катастрофических событий. Если бы не это, они с бабушкой, возможно, успели бы уехать и спастись. Нет, некоторые тайны безопаснее хранить в одиночку. Пусть они сгниют глубоко внутри.

Часы на стене методично отсчитывали секунды: тик-так, тик-так...

Наступила глубокая ночь, но Ихань так и не сомкнула глаз. Завернувшись в одеяло, она пустым взглядом гипнотизировала циферблат. Её сковывал первородный, липкий страх. Стоило закрыть глаза, как подступал ужас: а вдруг, проснувшись, она снова окажется в той сырой, холодной палате, а это внезапное спасение — лишь предсмертный бред её угасающего разума?

Обрывки воспоминаний кружились в безумном хороводе: прошлое, настоящее, лицо бабушки, ядовитая улыбка Цинь Цинь, холодный взгляд Цинь Хайяо... Голова раскалывалась от этой ментальной карусели. И с каждым витком мыслей глухая, удушливая ненависть пускала в её душе всё более глубокие корни.

Утром Ихань предстала перед бабушкой с тёмными кругами под глазами. Старая госпожа, разумеется, пришла в ужас:

— А ну-ка взбодрись! — Она немедленно подозвала А-Ли: — Живо приведи её в порядок. На кого она похожа в собственный праздник!

Пока стилисты колдовали над её образом, Ихань погрузилась в тяжёлый, прерывистый сон.

И ей снова явилась Цинь Хайяо.

В этом кошмаре та сидела на коленях у её больничной койки, прижавшись лицом к её безжизненной руке, и безудержно рыдала.

«Очнись, умоляю тебя... Очнись, пожалуйста... Я прошу тебя, вернись...»

Ихань резко передёрнуло. Она рванулась вверх, словно от удара током. Стилист, укладывавший ей локоны, испуганно отпрянул:

— Госпожа... госпожа Жуань, что с вами?

Она тяжело, прерывисто дышала, оглядывая комнату дикими глазами. Лишь осознав, что находится в собственной спальне, Ихань смогла сделать полноценный вдох.

Всю жизнь Жуань Ихань славилась своей непоколебимой гордостью и уверенностью. Никто и никогда не мог заставить её дрожать от страха, лишить сна и покоя. Но из-за Цинь Хайяо она превратилась в жалкую, трусливую развалину — и эта слабость вызывала у неё омерзение к самой себе.

Она нервно прикурила сигарету. Затянувшись, Ихань прищурилась, и в её потемневшем взгляде вспыхнула холодная, решительная злость.

Семья Жуань не поскупилась на торжество. Гости прибывали нескончаемым потоком: мужчины в безупречных смокингах, дамы в изысканных вечерних платьях — сплошь элита общества, сильные мира сего. Бабушка, всегда ратовавшая за скромность, на этот раз изменила своим принципам и арендовала весь верхний ярус Сада Шихао, способный вместить несколько тысяч человек. Роскошь убранства граничила с откровенным расточительством.

Ихань бездушно, словно дорогая фарфоровая кукла, стояла рядом с бабушкой, принимая бесконечные поздравления. Внутри неё зрел холодный цинизм, когда очередные гости с угодливыми улыбками кланялись ей, наперебой величая «госпожой Жуань».

«Сегодня ты на вершине, завтра — на самом дне». Эти люди преклонялись перед её титулом, перед красивой обёрткой наследницы многомиллиардного состояния. Ихань слишком хорошо помнила, с каким равнодушием и брезгливостью они отворачивались от неё, стоило ей лишиться своего статуса.

Бабушка сияла от счастья. Весь этот грандиозный приём она устроила исключительно ради внучки. Наблюдая за Ихань, пожилая женщина чувствовала, как её сердце переполняет гордость. Пусть девочка порой бывала своенравной и капризной, теперь перед ней стояла взрослая, статная женщина. Глядя на неё, старая госпожа знала: ей не в чем упрекнуть себя перед памятью покойного сына и его жены.

Затем последовала официальная часть. Бабушка поднялась на сцену, чтобы поблагодарить собравшихся за визит, произнесла несколько тёплых напутственных слов, и под занавес своего выступления обратила все взоры на виновницу торжества.

На Ихань было алое, словно языки пламени, платье в пол. Статная, высокая, она приковывала к себе всё внимание под перекрёстными лучами софитов. Ихань грациозно приподняла бокал, приветствуя зал. В каждом её жесте сквозило царственное величие.

Зал разразился шквалом аплодисментов. Ихань сделала глоток шампанского и сдержанно улыбнулась.

Это был триумф. Пик её могущества и признания. В то время как она олицетворяла собой безграничную власть, стоявшая внизу у края ковровой дорожки Цинь Цинь провожала её долгим, нечитаемым взглядом.

Ближе к полуночи официальные гости начали расходиться. Официальная часть завершилась, уступив место молодёжной вечеринке. Бабушка, понимая прелесть возраста, заранее позаботилась о том, чтобы предоставить внучке и её друзьям полную свободу действий.

Синди, эффектная девушка-метиска с копной вьющихся волос, с весёлым визгом откупорила бутылку дорогого шампанского и принялась заливать брызгами танцпол. Молодёжь тут же подхватила её безумный порыв.

Сама же виновница торжества сидела в отдалении на кожаном диване. Лениво покачивая бокал, она со стороны наблюдала за происходящим.

Синди плюхнулась рядом, покрасневшая и весёлая:

— Ну и чего ты тут скучаешь? Ихань, давай к нам! Или теперь, когда ты официально возглавила корпорацию, брезгуешь якшаться со старыми друзьями?

Раздался дружный хохот. Ихань лишь снисходительно улыбнулась в ответ. Её взгляд был прикован к широкому входу, застеленному ковровой дорожкой. Она кого-то ждала.

Прошло ещё минут пятнадцать. Веселье переросло в форменное безумие: гремела оглушительная музыка, а самые разгорячённые гости уже прыгали прямо в бассейн в одежде.

И именно в этот момент в дверях показался доктор Чу, сопровождающий гостью.

Взгляд Цинь Цинь, которая так и не ушла, вызвавшись помочь бабушке Жуань проводить последних гостей, тоже скользнул по ним — будто бы невзначай.

Уголок губ Ихань пополз вверх. Она прищурилась, глядя на вошедшую ледяным, пронзительным взглядом.

Она пришла.

На подобных раутах никогда не было недостатка в холёных красавцах и утончённых дамах. Но Цинь Хайяо была особенной. Белое приталенное платье выгодно подчёркивало изящество её фигуры и безупречную линию бёдер. В ярких лучах софитов она казалась неземной, а сквозившее в её облике равнодушное высокомерие резко контрастировало с разгульной

атмосферой праздника.

Доктор Чу увлечённо о чём-то ей рассказывал. Хайяо вежливо слушала его, но сама искала кого-то в толпе. Спустя мгновение их взгляды встретились.

Хайяо замерла и слегка прикусила губу. Ихань смотрела на неё в упор, и на её лице играла едва заметная, обманчиво-мягкая улыбка, в то время как пальцы сжимали тонкую ножку бокала с такой силой, что стекло жалобно зазвенело, готовое вот-вот лопнуть.

<http://bllate.org/book/20651/2109177>